

Вырезка из газеты

ТРУД

г. Москва

27 АПР 1980

НЕДАВНО по экранам страны каким-то особым не то аллюром, не то галопом заспешил в своем «осеннем марафоне» Андрей Павлович Бузыкин. Новый киногерой взволновал многих. Сразу же вспыхнули споры о том, что он, собственно, за человек.

Этот же вопрос я задал народному артисту РСФСР Олегу Басилашвили.

— В подзаголовке фильма «Осенний марафон» значится: «Печальная комедия». — говорит Олег Валерьянович. — И это действительно не весело, когда добрый и небесталанный человек, искренне желая делать добро, на поверку только всех и себя самого мучает. А причина — в неспособности принять решение, в стремлении любой ценой избежать конфликта, укрываться за вроде бы спасительной полуправдой. Но если сам Бузыкин порой просто смешон, то бузыкищина — явление опасное. Промолчать, зная, что творится неправда, подать руку подлецу, соврать, как говорится, «по мелочи» — увы, с такими людьми сталкивается время от времени каждый из нас.

— Что оказалось самым сложным при исполнении этой роли?

— Однажды режиссер Георгий Данелия спросил меня на съемочной площадке: «Зачем ты играешь? Леонова что ли хочешь переиграть?» Это была шутка с серьезной мыслью. Речь шла о том, чтобы играть героя, буквально не играя, показывая его одним из многих, ничем не примечательным. Поэтому снимали бесконечные проходы и пробежки Бузыкина прямо в толпе. Он должен был стать абсолютно узнаваемым — и я снимался практически без грима, в своем костюме и старом плаще. И все-таки, хотя мысль режиссера была понятна и правильна, оказалось — особенно в начале — очень нелегко сдерживать себя, не обыгрывать специально отлично описанные драматургом Александром Володиным смешные ситуации. Но Данелия был последователен. Иногда он даже убирал куски текста, если получалось слишком смешно. Работать было очень интересно, но во многом непривычно. Моя родная стихия — театр. там происходит основное накопление актерского опыта, а в кино мы чаще всего только гратим накопленное. Так вот, эта работа потребовала заглянуть во множество «ящичков», в которых удалось что-то скопить на сцене.

Олега Басилашвили — одного из ведущих актеров Ленинградского Большого драматического театра — природа щедро одарила внешними данными: высокий рост, открытое выразительное лицо, пластичность

движений, обаяние — то, что сыграть бывает, как правило, невозможно. Поэтому, наверное, и существуют актеры, которые многие годы живут «фактурными» ролями. Басилашвили с первых шагов на сцене пытался «преодолеть себя», уходить от того, что было близко и просто, чтобы обязательно выразить свое понимание жизни.

Вот Славка Куклин из давнего спектакля «Океан» — за блестящей карьерой этого молодого офицера угадывалось огромное внутреннее неблагополучие. Тонкий, талантливый Прозоров из «Трех сестер»,

ЗНАКОМЫЕ ИМЕНА

ОЛЕГ
БАСИЛАШВИЛИ

который постоянно идет на компромиссы и гибнет от собственного безволия. Директор НИИ Шатунов, гениальный администратор, сыгранный остро, даже эксцентрично, так что ясно вырисовывается нервная, колючая и какая-то исчерпанная человеческая душа («Выпьем за Колумба»). И еще Людовик Четырнадцатый из «Мольера» во всем величии и мишурности славы, блеске ума и невероятной ограниченности, силе и слабости. И обворожительно-элегантный князь Серпуховский из «Истории лошади», который «был красив и умен и никого не любил — зато его любили все». И блистательный, совершенно неожиданный после многих уже хрестоматийных решений Хлестаков. И адвокат Басов из горьковских «Дачников», страшный в своем пустословии...

Я назвал лишь несколько театральных ролей Басилашвили. На протяжении многих лет он разрабатывает свою главную актерскую тему, которую сам однажды сформулировал так: «Это прозрение человека, беспокойство за реализацию его личности из-за тех свойств и качеств натуры, которые ее разбегают, опошляют, искажают, не позволяя личности состояться по самому высокому счету».

— Олег Валерьянович, довольны ли вы, как складываются ваши взаимоотношения с кино?

— Пока нет. Большинство ролей получались одноплановыми. Но меня и пригласили, когда нужно изобразить какого-нибудь двуличного, нечестного, а то и вовсе подлогого человека. Однажды на съемках «Служебного романа» я попытался изменить судьбу... После спектакля в Ленинграде обычно мчишься на вокзал, на «стрелу», а рано утром,

толком невыспавшийся, в помятом костюме, прибываешь на «Мосфильм». Наш незабвенный Ефим Захарович Копелян называл это состояние «утро стрелецкой казни». И вот пока меня костюмеры и прочие мастера превращают в элегантного, респектабельного Самохвалова, в соседней артистической уборной, наоборот, элегантного Мягкова «доводят до кондиции», в которой я только что был. И так повторяется день за днем. Стало жаль усилий мастеров, и я предложил нашему режиссеру Э. Рязанову поменять нас ролями, чтобы каждый играл

свою натуру. Увы, Рязанов наотрез отказал. Видно, мне на роду написано играть отрицательных типов...

— Со всеми вытекающими отсюда последствиями?

— Вот именно. Теперь зритель многоопытный, никаких тайн в кино для него нет. Если авария — все знают: это падают каскадеры. Но если быют нехорошего человека, то должно быть все по законам реализма, иначе зритель не поверит. Ну, ладно, когда Мягков меня бил, то я хоть видел, как он переживает, как ему это неприятно. Но вот Наталья Гундарева — настоящий профессионал. В «Смешных людях» она меня так отделала — и руками, и туфлей. А в «Осеннем марафоне» совсем было обидно: Бузыкин, наконец, говорит правду, а жена его все равно — по лицу. На экране получилась довольно рядовая оплеуха, а в жизни — это 16 дублей. И каждый раз я убеждался, как тяжела рука у Гундаревой.

— Все чаще на эстраде и на экранах телевизора мы слушаем Басилашвили-чтеца...

— Мне особенно интересно выступать со стихами Маяковского. Очень люблю то время, 20-е годы, искренность порыва строителей новой жизни. Мне представляется, что не всегда верно при публичном исполнении доносят всю гамму чувств, которые вкладывал Маяковский в свои стихи. Его читают больше всего с пафосными интонациями. Между тем даже в таких популярных стихах, как «Необычайное приключение» и «Разговор с товарищем Лениным», больше всего серьезных раздумий, самоанализа и даже самоиронии. Поэтому они и способны дойти до сердца каждого.

Беседу вел А. Герваз.